

имушественно чернымъ, а лѣтомъ, простой, холщевой «шушунъ», затканный по краямъ красными полосами; какъ шуба, такъ и шушунъ, носятъ обыкновенно только на одинъ правый рукавъ, отчего лѣвый у шубы, пускается гораздо длиннѣе. Дѣвушки не покрываются вовсе головъ до замужства, а обязываютъ ихъ узенькою тесьмою или лентою; сверхъ того не имѣютъ права носить понявы, а ходятъ просто, въ одной рубашкѣ и шушунѣ. Понява надѣвается на дѣвушку, когда она признается невѣстою; право накрывать голову, приобретается уже послѣ замужства, отчего и самое замужство называется иносказательно: «покрышкою головы». Также неизмѣнный обычай обязываетъ замужнихъ женщинъ заплетать волосы въ двѣ косы, а не въ одну, что остается исключительной принадлежностью дѣвчества. Отсюда обрядъ оплакиваемой косы, заплетаемой съ извѣстнымъ обрядомъ передъ свадьбою, и такъ называемое «оправливанье головы» въ двѣ косы, которое совершается свахами надъ новобрачною непосредственно послѣ свадьбы, въ самой церкви. Съ тѣхъ поръ замужняя считаетъ уже безчестіемъ ходить съ непокрытою головою, и нельзя болѣе оскорбить ее, какъ сорвавъ съ нея головной уборъ, или, какъ говорить, «раскосматить». Къ щегольству народнаго женскаго туалета принадлежать: ожерелье на шеѣ и запястья на рукахъ, часто за недостаткомъ бисерныхъ, снизанные изъ рябиновыхъ ягодъ; въ ушахъ серьги, нерѣдко состоящія изъ пучковъ чесаной бѣлой шерсти, которыя называются: «зайчиками»; вообще пышные рукава у рубашекъ, всегда бѣлыхъ, никогда цвѣтныхъ, служивающія къ концамъ круглою сборкою. Обувь женщинъ: лапти, коты и черевикки, родъ башмаковъ, съ толстыми прошивными подошвами, выстроченными по оушкѣ. Щегольскіе цвѣта: у женщинъ красный, у мужчинъ синій; обыкновенные: у женщинъ синій, у мужчинъ сѣрый. Ткань для верхняго платья, китайка, кумачъ, сукно, плизъ, камка, бархатъ, парча, нанка, ситцы, а тонкія шелковыя воили недавно. Жиллице въ общемъ смыслѣ у Великороссіянъ называется дворомъ; строенія бревенчатыя, въ городахъ только кирпичныя, рѣдко глиняныя. Обыкновенный домъ состоитъ изъ избы, сѣней и кѣтви, или горницы. Если домъ не въ два жилья, что впрочемъ въ деревняхъ рѣдко и бываетъ, то подъ избой

находится подполье для чернаго скарба, а подъ горницею подклѣтъ, служащій анбаромъ. Оконшки избы бываютъ очень малы, рѣдко въ числѣ трехъ съ лица и двухъ на дворъ, чаще же вовсе съ однимъ, «краснымъ», то есть такимъ большимъ, что въ него можно просунуть голову, съ двумя «волоковыми», въ родѣ скважинъ, въ которыя иногда не вставляется даже и стекло, и которыя просто изнутри задвигаются затворомъ. Внутреннее убранство избы состоитъ необходимо изъ большой печи, въ деревняхъ, по большой части безъ трубы, отчего изба называется «черною»; лавокъ, которыя тянутся вокругъ стѣнъ, полокъ надъ лавками, и полатей, на которыя ходъ съ печи. Вся движимая мебель состоитъ въ столѣ и лопаннѣ, надъ которою вѣшается рукомойникъ. Столъ стоитъ у передняго почетнаго угла, диагонально противоположнаго печи: онъ есть родъ домашней святыни, которая сохраняется въ чистотѣ; ставъ или сѣсть на немъ, считается грѣхомъ; сѣсть за столъ, значить быть гостемъ. За столомъ, въ томъ же переднемъ углу, стоятъ святые иконы, или «Божіе милосердіе». Русскіе очень любятъ украшать ихъ драгоценностями; въ росписяхъ приданому невѣстѣ, оклады и вѣнцы «Божьяго милосердія» стоятъ на первомъ мѣстѣ. У зажиточныхъ, кромѣ задней горницы или кѣтви, бываетъ еще у нѣкихъ «свѣтлица», или «свѣтелка», чистенькая комната, на верху или въ сѣняхъ. Кровля дома составляетъ треугольную призму, вершина которой называется «князькомъ»: она бываетъ тесовая, изъ драни, а чаще соломенная, особенно на югѣ. Въ сѣверныхъ областяхъ кровля выдвигается на улицу, довольно на значительное пространство, такъ, что дѣлаетъ родъ навѣса. Окна красныя обшиваются снаружки рѣзными досками, которыя иногда раскрашиваются, такъ же какъ и затворы. Кромѣ двороваго строенія, которое въ сѣверныхъ губерніяхъ состоитъ въ хлѣвахъ, анбарахъ, погребяхъ, сараяхъ, также бревенчатыхъ какъ изба, а въ южныхъ болѣею частью плетеныхъ изъ хворосту, — принадлежностью и украшеніемъ полнаго дома считаются лѣтнія ворота, съ толстыми веревками и навѣсомъ. Не покрытыя ворота значатъ крайнюю степень нищеты и разстроенаго хозяйства. Вообще въ домѣ и вокругъ дома нѣтъ большой заботы объ опрятности. Пища Великороссійскаго народа самая простая и суровая. Главныя кушанья: щи и каша «мать»

наша»; ши изъ капусты, рѣдко бѣлой, всегда кислой; каша гречневая, иногда просыная, ячменная, полюбенная. Въ полѣ, особенно въ дорогѣ, довольствуются толокномъ. Главное лакомство, блины гречневые. Хлѣбъ въ преимущественномъ употребленіи только черныи, ржаной; изъ пшеницы дѣлаются пироги и другія печеня «павологъ», т. е. съ молокомъ, яичами и коровинымъ масломъ, а въ постные дни съ коноплянымъ, которое есть единственная приправа всякаго постаго кушанья. Макаловъ и орѣховое масло—роскошь, о которой не въстъ и въ городахъ имѣютъ понятіе. Изъ мясной пищи, Великороссіане употребляютъ говядину, баранину, свинину; любятъ поестъ жирно, но не такіе охотники до сала, какъ Малороссіане. Птица домашняя и дичь принадлежатъ къ лучшимъ, праздничнымъ блюдамъ; но лакомье всего считается поросенокъ въ холодномъ и жаркомъ. Рыба употребляется только въ посты: свѣжая и соленая; до раковъ не охотники, а въ восточныхъ губерніяхъ и вовсе гнушаются ими. Изъ огородныхъ овощей не умѣютъ дѣлать приправы кушанью, кромѣ луку и чесноку, который очень любятъ. Огурцы заквашиваютъ на зиму; то же дѣлается съ арбузами и дынями въ южныхъ губерніяхъ. Изъ ягодъ дѣлаютъ варенья, но не такъ вкусныя, какъ въ Малороссіи; больше сушатъ, для сдобы постному кушанью; клюкву и бруснику мочатъ. Послѣднее дѣлаютъ и съ яблоками, вишнями, сливами и крыжовникомъ, единственными садовыми плодами туземными въ Великой Россіи, и то въ югозападномъ краю. Грибы ѣдятъ свѣжіе и сушеные; такъ называемые «бѣлые», считаются постнымъ лакомствомъ; но шампиньоны признаются поганымъ; грузди, рыжики и сыроежки, идутъ въ мочку. Вообще Русскій вкусъ любитъ кислое, соленое и горькое, однако не прочъ и отъ сладкаго. Обыкновенное питье, квасъ, который бываетъ бѣлый и красный; не имѣтъ квасу—значитъ быть въ крайней степени нищеты. Къ праздникамъ и для гостей варятъ брагу, медъ и пиво. Хлѣбное вино, или «сивуха» есть для Русской черни, наслажденіе; изъ него приготавливаются разныя наливки, но простое, «зеленое», всему предпочтается. Великороссіане, какъ и весь вообще Славяне, большіе хлѣбосолы; не посадить чужаго челоуѣка за столъ, и не поподчивать, въ какое бы то ни было время дня, чѣмъ Богъ

послалъ, значитъ величайшее преступленіе противъ общежитія. Роскошь угощенія определяется изобиліемъ приготовленныхъ блюдъ и «разливаннымъ моремъ» вина. За столомъ любятъ почестъ, подчиванье и упрашиванья, любятъ поестъ и попить. Обыкновенно, пирушки и гулянья бываютъ въ храмовые праздники: въ Святую неделю и на масленицѣ, которая называется «всемирнымъ праздникомъ». Въ домашней жизни, свадьба и поминъ покойника, сопровождаются цѣлымъ рядомъ пооекъ. Нюханье и куренье табаку, степенные Великороссіане признаютъ также родомъ пьянства. Однимъ изъ необходимыхъ наслажденій жизни, считается баня; въ южныхъ, малолѣсныхъ губерніяхъ, за неудобствомъ имѣть это наслажденіе въ особенныхъ зданіяхъ, парятся въ избуной печи. Баня служитъ также и главнымъ лекарствомъ отъ всехъ болѣзней. Вообще къ лекарямъ и лекарствамъ Великороссіане не имѣютъ вѣры; прибѣгаютъ въ нуждѣ къ знахарямъ, которые заговариваютъ отъ зубовъ, отъ лихomanки, и отъ другихъ болѣзней, да къ старухамъ, которыя лечатъ вспрыскиваньемъ, правленьемъ, накладываньемъ горшка, и другими подобными средствами. Сверхъ того, во всякой болѣзни имѣютъ привычку нѣтолько не отказывать больному ни въ чемъ, но даже принуждать его есть всякую всячину. Колдунамъ вѣрятъ, и особенно шутятъ и предполагаютъ ихъ въ пчелникахъ. Въ домашней жизни, мужъ есть самовластный господинъ жены, отецъ дѣтей. Дѣти воспитываются весьма сурово съ самаго младенчества, отчего многіе и умираютъ. Главнѣйшее занятіе Великороссійскаго крестьянина, есть земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, рыбная и звѣрняя ловля, смотря по мѣстностямъ; садоводство и огородничество, въ большемъ объемѣ только при большихъ городахъ. Всѣ необходимыя ремесла исправляются крестьянномъ самимъ: онъ и плотничаетъ, и слесаритъ, и плететъ, и вяжетъ для домашнего обихода. Женщины, кромѣ внутренняго хозяйства вокругъ печи, занимаются пряжею, тканьемъ, шитьемъ; онѣ же ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ и птицею. Нередко случается, что домъ содержитъ себя ничего не покупая на сторонѣ. Въ губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ, по причинѣ распространенія народонаселенія, недостатка хлѣбопашной земли и близости столицы, крестьяне издавна занимаются промышленностью: нынѣ уже

много у нихъ разныхъ фабричныхъ становъ, особенно въ самой Московской губернии. Владимірская губернія наполняетъ всю имперію плотниками; Рязанская портными и цѣловальниками; Ярославская маркитантами. При отсутствіи мужчинъ на сторону, женщины исправляютъ и полевые работы. Мѣщане, посадскіе и городскіе торгуютъ, но больше по мелочи. Многие и изъ крестьянъ, особенно подмосковныхъ, занимаются торговлею, отправляются разносчиками въ отдаленнѣйшія страны имперіи, подъ именемъ «афеней»; такіе преимущественно Суздальцы, которые составляютъ родъ особой, торгующей касты, имѣющей свое условное нарѣчіе и знаки. Настоящіе купцы заводятъ большія фабрики и ведутъ обширныя торги, часто владѣютъ огромными капиталами. Отъ шаткости взаимнаго кредита, они рѣдко входятъ въ компаніи. Духовенство не можетъ заниматься торговлею и промышленностью, и въ уѣздахъ, наравнѣ съ прихожанами, раздѣляеть все труды и тяготы земледѣльской жизни. Дворянство недавно стало заниматься сельскимъ хозяйствомъ и принимать участіе въ развитіи промышленности; прежде оно ограничивало всю свою дѣятельность службою. Больше всего Русскій любить поспать; но когда не спитъ, въ часы досуга и бездѣлья, любитъ забавляться играми, требующими напряженія и ломки: борются, тянутъся, скакать въ чихарду, биться на кулачки. Последнее есть одна изъ любимыхъ народныхъ забавъ. Къ той же категоріи гимнастическихъ забавъ «катанье» и «качанье», въ которыхъ участіе принимаютъ оба пола. Эти забавы имѣютъ соответственные времена въ году, кромѣ которыхъ не употребляютъ: первое въ масленицу, особенно въ три послѣдніе дни: тогда Русскій вполне предается удовольствіямъ; второе въ Святую недѣлю, и послѣдующіе весенніе праздники до Петровскаго заговѣнья. Последнее веселье не одобряется преданіемъ Церкви. Такому же отверженію подлежатъ пляска и другія народныя «игрища», въ которыхъ главную роль играютъ дѣвушки, и которыя отличаются сценическою изобразительностію; къ послѣднимъ относятся игры «святочныя» и «хороводныя». Святки посвящаются гаданью въ разныхъ формахъ, особенно о «суженомъ» или «суженой»; также ночному гулянію по улицамъ въ личинахъ, съ распѣваньемъ особенныхъ пѣсень подъ окнами; это продолжается

во все время святокъ отъ Рождества до Крещенія; но особенно для гаданья предпочитаютъ три вечера обихъ сочельниковъ и Васильева, подъ 1 января, что нынѣ Новый годъ. Рождественскій сочельникъ называется «коляда», Крещенскій «свѣчки», Васильевъ вечеръ «овсень», или въ некоторыхъ мѣстахъ «бауцень». На участвующихъ въ этихъ играхъ, и особенно на тѣхъ, которые надѣваютъ личины, преданіе возлагаетъ, въ родъ очистительной эпитиміи, обязанность, искупаться въ Иорданскій проруби въ день Крещенія (см. *Святки*). Хороводнымъ играмъ посвящена весна, отъ Ооміина воскресенья, или «Красной Горки», до Петрова поста. Эти-то игры сопровождаются мимическимъ представленіемъ разныхъ сценъ изъ народнаго быта, смыслъ которыхъ поясняется аккомпанирующими гѣснями. Особенно замѣчательны въ этомъ длинномъ періодѣ, продолжающемся семь недѣль, три дня: «Семикъ», или четвергъ передъ Троицынымъ днемъ, самый Троицкнй день, съ котораго начинается такъ называемая «Русальская» или «Зеленая» недѣля, и послѣдній день заговѣнья, иначе называемый въ некоторыхъ мѣстахъ «Ярило». Въ эти дни бываютъ и гаданья, извѣстныя подъ именемъ «заламыванья» березы, заиванья вѣтвей и т. п. (см. *Хороводныя пѣсни и обряды*). Весьма естественно, что все эти игрища не одобряются Церковью; онѣ суть остатки древняго Славяно-Русскаго язычества, къ обрядамъ котораго принадлежатъ также качели и пляска. Пляска Великороссійнъ не такъ легка и разнообразна, какъ Малороссовъ и Бѣлорусцевъ; изъ движеній, сопровождаемаго попеременно наклоненіемъ верхней части туловища, то въ ту, то въ другую сторону, съ руками раскинутыми, или подпертыми въ бока, она переходитъ въ «присядку», подъ любимыя народныя мотивы «барыню», «голубца», и т. п. Изящный, характерный танецъ, обработанный въ новѣйшія времена искусствомъ, подъ именемъ: «Русской пляски», имѣеть болѣе сходства съ хороводными, мимическими фигурами. Къ другимъ, собственно изящнымъ наслажденіямъ, доставляемымъ искусствами, Великороссійскій народъ не имѣетъ еще особеннаго расположенія. Архитектура его, въ церквахъ, копія Византійской; въ частномъ употребленіи не возвышается далѣе удовлетворенія самымъ первымъ требованіямъ нужды и климата. Ваяніе и глина работа, вовсе не во

вкусъ народа, можетъ быть отъ немнѣня матеріаловъ. Но рѣзба на деревѣ доведена до значительной степени совершенства, и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ архитектурныхъ украшеній, даже между крестьянами. Что касается собственно до живописи, то она въ иконахъ осталась также копіею Византийской, съ нѣкоторою впрочемъ оригинально-стію въ стилѣ, составляющею характеръ, такъ называемаго «Суздальскаго иконнаго письма»; оригинальность эта состоитъ въ большой неправильности и нетвердости рисунка, въ чрезвычайной угловатости и длинѣ фигуръ, нарушающей всѣ пропорціи, и наконецъ въ рѣзко-яркомъ колоритѣ. Въ же церковнаго употребленія, рисованье остается на самой низкой степени, въ такъ называемыхъ «лубочныхъ картинахъ». Больше расположенія къ тоническимъ искусствамъ, и именно къ пѣнію; инструментальная музыка играетъ весьма малую роль въ Великороссійскомъ быту; единственные орудія: гудокъ и балайка; самое имя музыканта обезчещено презрительнымъ именемъ «скомороха», гудочника, баламачника. Ухо Великороссіянина, пока не находитъ особеннаго услажденія ни въ струнныхъ, ни въ духовыхъ звукахъ; только бряцаніе ему нравится: отсюда страсть къ колокольному звону, и обычай, при разгульной ширшкѣ, особенно на свадьбахъ, бить въ скороды. За то до пѣнія Великороссіане большіе охотники. Въ богослуженіи есть особый напѣвъ, называющійся «Русскимъ», отличный отъ Греческаго, Болгарскаго и Кіевскаго. Такъ называемые «стихи», которые поются нищю братьею, и составляютъ переходъ отъ церковнаго пѣнія къ народному, также замѣчательны по оригинальности мотива, впрочемъ во всѣхъ почти однообразнаго. Есть разные напѣвы и въ «причитаньяхъ», которые женщины «голосять» въ разныхъ случаяхъ домашней жизни; какъ-то, надъ покойниками, или надъ невѣстою передъ свадьбою. Но главнѣйшее богатство народной Великороссійской мелодіи, обнаруживается «пѣснями» въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь она разливается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Впрочемъ общій характеръ, какъ собственно въ «пѣсняхъ», такъ и во всѣхъ прочихъ мелодическихъ речитативахъ, даже въ самомъ церковномъ напѣвѣ, который называется «Русскимъ», есть какая-то заунывная протяжность, которая отзывается и въ самыхъ веселыхъ мо-

тивахъ. Это слѣдствіе естественной потребности наполнить протяженіемъ звука безпредѣльные, однообразныя равнины, въ которыхъ голосъ терлется, не находя отзыва. Къ представленіямъ театральнымъ нѣтъ ни охоты, ни привычки. Въ рѣчи складъ и ладъ очень правится; рѣчь и асанансь входятъ въ большую часть пословицъ и народныхъ изреченій; особенно къ послѣднему Великороссіане едва ли не, пристрастнѣе Испанцевъ. Сами не богаты на выдумки, но до сказокъ большіе охотники; отчего въ народѣ издавна ходитъ множество заимствованныхъ съ Востока, и даже съ Запада.

Остается сказать о самомъ важнѣйшемъ залогѣ народности, о языкѣ. Языкъ Великороссіанъ нельзя назвать нарѣчіемъ; это особая вѣтвь общей Славяно-Русской рѣчи. Онъ отличается отъ Малороссійскаго и Бѣлорусскаго не только грамматическими особенностями въ словопроизводствѣ и словосочиненіи, но даже рѣзкою своеобразностію въ самой физиологической организаціи звуковъ. Это послѣднее обстоятельство удостовѣрительно доказываетъ, что отдѣленіе Великороссійскаго языка произошло не отъ случайной примѣси чуждыхъ, иноязычныхъ элементовъ, а было естественнымъ слѣдствіемъ вліянія северной природы. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи лексикографическомъ, Славяно-Русская основа гораздо въ немъ чище; иноязычныхъ словъ несравненно больше въ западно-южныхъ языкахъ, и именно: въ Малороссійскомъ Татарскихъ, въ Бѣлорусскомъ Литовскихъ, кромѣ Польскаго, которыми тотъ и другой равно наполнены. Отдѣленіе Великороссійскаго языка воспослѣдовало очень рано, вѣроятно съ самаго поселенія Русскихъ колоній на сѣверовостокъ, между племенами Финскими. Древнѣйшіе переписчики церковныхъ книгъ, составленныхъ на особомъ южно-Славянскомъ языкѣ (см. *Церковно-Славянской языкъ*), часто просятъ прошенія у читателей, «яко мнози пословицы Ноугородскія приенидоша», это значитъ, что въ ихъ время, за долго еще до нашествія Татарскаго на востокъ и Литовскаго на западъ, въ Новгородѣ существовали особенныя языки, больше несомнѣныя съ церковно-Славянскою письменностію, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ подобныхъ извнненій не дѣлалось. Вообще Русская рѣчь отличается отъ прочихъ Славянскихъ языковъ тѣмъ, что занимаетъ

середину между двумя обширными вѣтвями, на которыя раздѣлилъ ихъ Добровскій, и вслѣдъ за нимъ Шафарикъ. По крайней мѣрѣ, отличительные признаки обоихъ родовъ Славянскихъ нарѣчій, юго-восточнаго и сѣверо-западнаго, исчисленные Добровскимъ (см. *Славянскіе языки*), встрѣчаются совокупно въ языкѣ Русскомъ. И нигдѣ это со вмѣщеніе тѣхъ и другихъ признаковъ не обнаруживается ярче, какъ собственно у Великороссіянъ, которые равно говорятъ и «издать» и «выдать», и «земля» и «земь», и «птица» и «птаха». Вліяніе сѣверной природы на Великороссійскій языкъ, обнаруживается въ физиологическомъ отношеніи, разбавкою согласныхъ звуковъ гласными и меньшимъ придыханіемъ гортанныхъ звуковъ: онъ превращаетъ: «смерть, вѣкъ, градъ, пламя». въ «смерть, волкъ, городъ, полова»; а при употребленіи гортанной, согласной г, любитъ твердый ея выговоръ, соответствующій Латинскому g, котораго южные Славяне вовсе не знаютъ, для котораго въ Кирилловской азбукѣ не придумано и особой буквы. Это сближаетъ его болѣе съ сѣверо-западною системою Славянскихъ языковъ. Но въ отношеніи грамматическомъ, онъ много сходенъ съ системою юго-восточною, и это, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе могущественнаго вліянія церковно-Славянской письменности, которая, очевидно, южнаго Дунайскаго происхожденія. По причинѣ сосредоточенія первой книжной образованности въ духовенствѣ, распространеніемъ на сѣверо-востокъ съ юга, изъ Кіева, языкъ Великороссійскій долго не былъ письменнымъ. Древнѣйшіе Новгородскіе памятники житейской мірской письменности, обнаруживаютъ господствующее вліяніе южно-Славянскаго характера въ правописаніи и словосочиненіи, которое однако все болѣе и болѣе слабѣетъ, по мѣрѣ усиливающагося расторженія политическихъ связей восточной Руси съ Кіевомъ. Москва, сдѣлавшись средоточіемъ единства и самостоятельности для этой обширной половины Русскаго міра, съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалась и колыбелью самобытнаго, своеобразнаго развитія Великороссійскаго языка, какъ въ живой рѣчи, такъ и на письмѣ. Со времени Димитрія Донскаго, оффиціальный языкъ грамотъ и другихъ гражданскихъ актовъ, начинаетъ уже быть чисто Великороссійскимъ, съ небольшими церковно-Славянскими прологами.

ми. Царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, который самъ былъ первый словесникъ и витія своего времени, ознаменовано блестящими успѣхами народнаго языка: собственныя его посланія къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ, содержатъ въ себѣ образцы самороднаго Великороссійскаго краснорѣчія. Послѣдующія смутныя времена не только не пренятывали, но еще содѣйствовали его укрѣпленію и распространенію; угрожаемая гибелью народность тѣмъ могущественнѣе сомкнулась на Москвѣ, и безпрестанныя патріотическія воззванія, разлившіяся отсюда по всемъ концамъ Россіи, дали органу ея, народному слову, жизнь, огонь, силу. Но къ сожалѣнію, образованіе этого слова не могло довершиться окончательно по недостатку грамматики, безъ которой языкъ не можетъ возвыситься до благоустроенной литературной организаціи. Въ эти минуты весенняго цвѣта, Великороссійская рѣчь развивалась безотчетно, не сознавая вовсе грамматическихъ законовъ, или покорялась насильственному владычеству чужихъ грамматикъ. Первый ученый, отъ котораго Москва, сердце Великой Россіи, услышала имя грамматики, былъ Максимъ Грекъ, воспитанникъ Аѳона, Рима и Парижа; онъ не зналъ духа и идіотизмовъ не только Великороссійскаго, но и вообще Славянскаго языка, почему и съ неумѣренною ревностію держался формъ Греческихъ, прилагая всѣ ихъ утонченности къ церковно-Славянскому переводу священныхъ книгъ, который смѣшивалъ съ Русскимъ. Это насиліе, вѣроятно, бывшее одною изъ причинъ общей недовѣрчивости къ Максиму, какъ еретику, очень ясно понималъ ученикъ его Силуанъ, который, будучи не «Грекъ, но здѣшній перети и Русинъ», говорилъ весьма основательно, что «нѣсть лѣпо всячески премудрѣйшему оному (Греческому) поспѣдовать языку; понеже брящется сопротивно, ниже бо роды, ниже времена, ниже окончанія подобна ея имѣють, но вса премѣнена». Однако этотъ голосъ Русина, внушенный здравымъ смысломъ, не имѣлъ дѣйствія. Появившіяся скорѣе полныя грамматики Славяно-Русскаго языка, Зизанія (1596) и Смотрицкаго (1619), подняли его рѣшительно на Греческую дыбу. Если въ первой половинѣ XVII вѣка, при царяхъ: Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, на Москвѣ Великороссійская рѣчь сохраняла еще само-